

Селиванов Илья Васильевич

**Виденное, слышанное,
передуманное и
перечувствованное**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И49

И49 **Илья Васильевич С.**
Виденное, слышанное, передуманное и перечувствованное / Селиванов Илья Васильевич –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 219 с.

ISBN 978-5-519-85201-2

ISBN 978-5-519-85201-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Замѣтка по поводу картины рода Шереметьевыхъ.

По вопросу, откуда взялось названіе фамиліи Шереметьевъ, тогда какъ родоначальникъ ихъ былъ Кобыла и Кабила, авторъ книги „рода Шереметьевыхъ“ допускаетъ догадку, что Шереметьевыми взята эта фамилія въ честь какого-то знаменитаго военачальника въ турецкихъ войскахъ, по имени Шереметь, что будто бы было въ древности въ обычай.

Я позволю себѣ замѣтить, что по моему мнѣнію не было никакой надобности искать такъ далеко и въ чужомъ государствѣ, а поискавши у себя дома, мы нашли бы, что у Вятичей или Вотяковъ, прежде принятія ими христіанства, былъ богъ Кереметь, о чемъ Шереметьевы могли знать, когда, по приказанію царей, ходили воевать на сѣверо-востокъ Россіи Мордву, Вятичей и другіе дикіе народы, заселявшіе тогдашнюю Беармію. Со времени посѣщенія Вятичей Новгородцами, они получили названіе Хлыновцевъ. Явленный образъ Николая Чудотворца,

пайденный въ дремучихъ лѣсахъ Вятской губерніи и при томъ высокой итальянской работы, былъ вытребованъ оттуда, ежели не ошибаюсь, Іоанномъ IV, и послужилъ предлогомъ въ Москву, гдѣ, въ память его посѣщенія, была выстроена церковь въ Москвѣ, на Мясницкой, Николая Чудотворца Хлыновскаго.

Картина рода Шереметьевыхъ.

Въ началѣ 30-хъ годовъ отецъ мой, жившій въ своей усадьбѣ Рязанской губерніи, Зарайскаго уѣзда, сельцѣ Любаво, пошелъ, у себя дома, на чердакъ и тамъ увидалъ незамѣчаемый имъ прежде, на половину зарытый въ разный хламъ, большой кусокъ полотна. Это его удивило, какъ онъ его не замѣчалъ прежде, а положить его туда въ недавнее время не было возможности: ходъ на чердакъ былъ изъ его комнаты, въ которой онъ находился постоянно и слѣдственно пройти туда, безъ того чтобъ онъ не видалъ проходившаго, не было возможности. Эти соображенія заставили отца рассмотреть этотъ зарытый въ пыль и довольно грязный кусокъ, на которомъ онъ, къ немалому удивленію, увидалъ слѣды какихъ то рисунковъ. Это вынудило его взять это полотно, спести его съ чердака и отдать вымыть. Когда его принесли изъ мытья, оказалось что это была картина, гравированная на полотнѣ, аршина 3 длиною и аршина 2½ вышиною, изображающая въ верхней половинѣ бога Саваова на облакахъ, нѣсколько пониже его—сонмъ святыхъ, изъ которыхъ я особенно помню Андрея Первозваннаго, такъ какъ тутъ находился и крестъ, на которомъ онъ былъ распятъ. Изъ облаковъ, на которыхъ находились они, исходили молніи, теряющіяся въ пространство. Въ нижней части картины, на землѣ лежалъ человѣкъ въ рыцарскихъ доспѣхахъ, т. е. латахъ

и шлемъ и у него изъ живота росли два масличныхъ дерева, раздѣляющіеся по обѣимъ сторонамъ картины такъ, что середина была открыта и на ней изображено было взятіе войскомъ укрѣпленныхъ городовъ, ряды воиновъ и клубы дыма. Подъ рыцаремъ въ латахъ подписано было Видевито—король Борусскій, а на масличныхъ деревьяхъ висѣли медальоны съ изображеніемъ въ немъ фигуръ—съ надписью различныхъ имянъ, съ фамиліей Шереметьевъ*). Впрочемъ, не всѣ медальоны были съ изображеніемъ Шереметьевыхъ; — были и постороннія лица, нѣкоторые носили даже странныя и непонятныя названія: такъ напр. изображена была женская фигура и подъ ней подпись Кобила.

Когда я пріѣхалъ на лѣто въ деревню—отецъ, по просьбѣ моей, подарилъ мнѣ эту картину, такъ какъ я имѣлъ въ виду пожертвовать ее въ музей, какъ историческую рѣдкость. Пріѣхавши въ Москву, я отвезъ ее показать моему пріятелю Николаю Семеновичу Селивановскому, который упросилъ меня оставить ее у него на нѣкоторое время—что я и сдѣлалъ. Долго была она у него—года два; когда я ее спрашивалъ—онъ всегда упрашивалъ меня оставить ее ему еще на нѣкоторое время...

Затѣмъ онъ заболѣлъ и умеръ. По просьбѣ моей, вдова его искала эту картину, но ее въ оставшихся послѣ него вещахъ не оказалось, и я увѣренъ, что это справедливо. Скорѣе всего, Селивановскій или самъ пожертвовалъ ее куда нибудь въ музей — или просто отдалъ Шереметьевымъ, которымъ лестно было происходить отъ короля.

Не помню кто-то (это было такъ давно) говорилъ мнѣ что картина эта была поднесена Шереметьеву Петромъ Могилой—и что бывшая у меня, была, вѣроятно, копія съ нея.

*) Изъ повѣствованія Колючева видно что Прусской король Прутенко въ 273 году по Р. Х. отдалъ свое королевство брату своему Вейдевугу. Книга—родъ Шереметьевыхъ стр. 5 и 6

Какъ гибельны для молодыхъ женщинъ дурныя знакомства.

Молодая женщина задумалась.

— О чемъ тутъ думать? вскричала весело Александра Тимофѣевна.—Домино у тебя есть и, падо сказать, очень приличное: атласъ да кружево, — чего же больше? бархатная маска идетъ къ тебѣ какъ нельзя лучше, такъ что узнать тебя и думать нечего... Чего-жъ тебѣ хочется еще, скажи пожалуйста? Сознайся лучше, что ты капризничаешь, и не хочешь вѣхать съ нами, вѣрно потому, что у тебя есть какія нибудь другіе, тайные замыслы, въ которыхъ тебѣ не хочется признаться...

— О! совсѣмъ нѣтъ! отвѣчала торопливо молодая женщина.

— А ежели нѣтъ, продолжала Александра Тимофѣевна,—что-жъ можетъ тебя удерживать? Мы отлично повеселимся нынѣшній вечеръ. Ужъ навѣрно и Иванъ Александрычъ, и Аполлонъ Семенычъ, и Эдуардъ Адольфовичъ, все будутъ тамъ. И вдобавокъ, они, безъ сомнѣнія, будутъ такъ любезны, что угостятъ насъ хорошимъ ужиномъ... А отъ этого право глупо отказываться...

Молодая женщина долго молчала, потомъ съ усиленіемъ,

какъ бы противъ воли, промолвила тихо, почти шопотомъ, слегка покраснѣвши:

— Не знаю, понравится ли это моему мужу? Онъ врагъ маскарадовъ...

— Мужу? закричала съ громкимъ хохотомъ Александра Тимофѣевна.—Да ты отъ какого полюса земнаго шара пожаловала сюда? Мужу! Да развѣ въ настоящее образованное время кто нибудь обращаетъ вниманіе на мужей? Это было бы смѣшно... Подобная глупость существовала когда-то, очень давно; теперь слава Богу этого нѣтъ, и обращать теперь вниманіе на мужей, значило бы отречься отъ цивилизаціи нашего умнаго XIX столѣтія. Да и что такое мужъ, скажите пожалуйста? Это больше ничего, какъ средство явиться прилично на вечера; средство имѣть экипажъ, ложу въ оперѣ—и ничего больше.... Я и думать-то объ этомъ не стала бы, понравится ли мужу, что я ѣду въ маскарадъ, или не понравится. Достаточно того, что это *мнѣ* понравится. Неужели въ самомъ дѣлѣ дѣвушка, вышедъ замужъ и проживая себѣ такимъ образомъ какого-то цензора своихъ поступковъ, что ужъ одно есть страшная тягость, — должна еще думать и обращать вниманіе—поправится ли или не поправится ему ея образъ жизни. Смѣшно бы это было! Да и что такое мужъ, ежели сказать правду? Дуракъ, который чортъ знаетъ изъ чего взялъ на себя обязанность заботиться объ женщинѣ, чтобъ ей было хорошо на свѣтѣ... А ежели не хорошо, такъ развѣ у ней нѣтъ возможности отомстить на немъ свою неудачу и все-таки жить весело?...

Молодую женщину какъ будто озадачили эти слова. Въ первый разъ касались они ея слуха. Честная душа ея возмущалась ими; мнѣніе мужа она *досель* считала чѣмъ-то священнымъ, чѣмъ-то такимъ, что составляло

цѣль ея жизни. Она задумалась невольно. Ей казалось, что она не хорошо понимаетъ смыслъ слышанныхъ ею словъ; она вдумывалась въ нихъ, какъ вдумываются во что-то новое, неожиданное, пожалуй даже враждебное...

Такъ какъ она молчала, то Александръ Тимофѣевнѣ была полная свобода продолжать.

— Я не понимаю, начала она, — откуда у тебя являются такія допотопныя понятія. Неужели въ самомъ дѣлѣ Богъ создалъ женщину для того, чтобъ она цѣлую жизнь исполнила чужую волю, а своей собственной волѣ не смѣла бы дать ни малѣйшаго мѣста? Это значило бы добровольно отречься отъ того прирожденнаго человѣку чувства свободы, которое составляетъ лучшее его достоинствѣ; которое признано передовыми людьми цѣлью жизни и безъ котораго слѣдственно и нѣтъ жизни. Какая же тутъ будетъ свобода, ежели я должна соображаться съ прихотью другаго и не дѣлать того, что *мнѣ* кажется лучшимъ?

Молодая женщина осмѣлилась замѣтить:

— Мой мужъ такой образъ мыслей называетъ нигилизмомъ.

— Твой мужъ колпакы! закричала съ досадой Александра Тимофѣевна. — Я знаю, что для мужчинъ угнетеніе бѣдной женщины есть первое и неотъемлемое право. Нигилизмъ! Да что такое нигилизмъ-то? Слово, пустой звукъ, который они выдумали для того, чтобъ пугать людей до такой степени глухихъ, что они боятся его какъ какого-то грознаго привидѣнія и изъ-за этой боязни позволяютъ дѣлать надъ собою что угодно. Пусть называютъ это нигилизмомъ, социализмомъ или какъ тамъ хотятъ — мнѣ это совершенно все равно, — я утверждаю и буду утверждать, что женщина имѣетъ такое же право на свободу и счастье какъ и мужчина, и ежели она имѣетъ возможность найти это счастье цѣною удовольствія — тѣмъ

лучше; вопреки ихъ застарѣлымъ предразсудкамъ, она имѣетъ на это полное и неотъемлемое право...

— Надобно, чтобъ желанія были разумны... робко замѣтила молодая женщина.

— Разумны! Да развѣ быть счастливу не есть высшая разумность? А какимъ путемъ достигну я этого счастья—кому что до этого за дѣло? Это дѣло мое и я не позволю никому въ это вмѣшиваться. Посмотрѣла бы я, какъ мой мужъ,—ежели-бъ я имѣла несчастіе быть еще замужемъ,—осмѣлился вмѣшиваться въ мои удовольствія, даже въ мое препровожденіе времени. Я бы его отбрила такъ, что онъ въ другой разъ даже не смѣлъ бы и заикнуться объ этомъ.

Молодая женщина не выдержала.

— Честная женщина, сказала она громко и съ достоинствомъ, — обязана соображаться съ желаніемъ мужа. Ежели она свободно выходила замужъ, то также свободно должна она желать, чтобы ея желанія были согласны съ желаніемъ ея мужа, такъ какъ и въ писаніи сказано: хотя двое, но плоть едина.

Александра Тимофѣевна залилась громкимъ смѣхомъ.

— А! ужъ и до писанія дошло! Поздравляю! Только этого не доставало. Значить, тебѣ надо донть коровъ, ежели твоему мужу вздумается заставить тебя быть скотницей; значить, тебѣ надобно сдѣлаться эконожкой, кухаркой, нянькой, ежели ему, въ его олимпійскомъ величіи, придетъ фантазія пожаловать тебя въ эти великіе чины... Смѣшно и грустно слушать! Да гдѣ твоя женская гордость, скажи пожалуйста?... Или ты, вышедъ замужъ, превратилась въ самый дѣлъ въ работницу—то-есть жалкую рабу всѣхъ своекорыстныхъ фантазій, которыя придутъ твоему благовѣрному супругу въ голову? Развѣ ты не понимаешь, что ему хочется поработить твое тѣло и душу,—

всю тебя наконецъ; все, чѣмъ ты отличаешься отъ безсмысленнаго животнаго, для того, чтобъ властвовать надъ тобой, какъ властвуютъ надъ этимъ животнымъ. Да и чѣмъ, скажи пожалуйста, будешь ты отличаться отъ скота, ежели не будешь имѣть *своей* воли; не будешь смѣть выѣхать куда *тебѣ* хочется, одѣться какъ *тебѣ* вздумается быть знакомой съ тѣми, съ кѣмъ, *ты сама* признаешь за лучшее?—Или тебѣ надо вѣчно, какъ ученицѣ въ классѣ, сирапиваться: *permettez moi de sortir?*

Молодая женщина стала въ тупикъ. Хотя она и чувствовала по своей благородной натурѣ, что Александра Тимофѣева говоритъ вздоръ, потому что смѣшиваетъ понятія, которыя смѣшаны быть не могутъ, — однако у ней не достало твердости возражать ей. Ей стало совѣстно защищать *отсталыя*, какъ выражалась Александра Тимофѣевна, понятія; свойственная человѣку боязнь прослыть за отсталаго, быть предметомъ насмѣшки, остановила ее. Она не возражала даже и тогда, когда Александра Тимофѣевна съ этою энергіею, которая дается людямъ для того, чтобъ губить другихъ, *) прибавила:

— Но ежели ты *боишься* (при этомъ она сдѣлала презрительную гримасу) своего мужа, такъ что-жь тебѣ мѣшаетъ сдѣлать это такъ, чтобъ онъ не зналъ этого? Мы поѣдемъ въ маскарадъ въ 10 часовъ; ты тамъ пробудешь часа два—это будетъ 12 — и потомъ веротишься и скажешь, что тебя задержала какая нибудь пріятельница, танцы, игра, или что нибудь подобное; потомъ приласкаешь его хорошенько — и твой Аргусъ разнѣжится и не только повѣритъ тебѣ во всемъ, но даже, пожалуй, осчастливитъ поцѣлуемъ.

*) Наполеонъ I; Бисмаркъ и др.

— Обманывать! шепнула, вздрагивая невольно, молодая женщина.

— Ну да, обманывать! Такъ что-жь? И почему же нѣтъ? подхватила поспѣшно Александра Тимофѣевна.— Развѣ обманъ, съ доброй цѣлью, не допускается всѣми и не есть также доброе дѣло? Развѣ не лучше обмануть, чтобъ только не нарушить домашней тишины, нежели не обмануть и имѣть за это всевозможныя оскорбленія? Развѣ цѣль не оправдываетъ средства? Да поймешь ли ты наконецъ, что надо *жить*, т. е. пользоваться жизнью, что это надо цѣпить выше всего и гораздо важнѣе всѣхъ вашихъ заоблачныхъ мечтаній о мужѣ, его правахъ, обязанностяхъ женщины и чортъ знаетъ о чемъ еще... Впрочемъ, толковать о томъ — понравится ли твоему мужу твоя поѣздка въ маскарадъ или не понравится — вовсе не мое дѣло; оно касается тебя и вмѣшиваться въ него мнѣ нѣтъ ни малѣйшей надобности. Мое дѣло теперь узнать только отъ тебя: ѣдешь ты съ нами въ маскарадъ или не ѣдешь? Ёдешь — мы хорошо и пріятно проведемъ вечеръ; не ѣдешь — убійственная тоска, съ еще больше убійственнымъ ворчаніемъ мужа въ добавокъ, ежели онъ къ несчастію проигрался въ клубъ, — вотъ что ожидаетъ тебя дома. Если ты желаешь быть въ числѣ отсталыхъ и хочешь, чтобъ на тебя показывали пальцами, — совѣтую тебѣ остаться, а то, чего добраго, маленька розгой еще высѣчетъ...

И она сопровождала эти слова одной изъ тѣхъ ядовитыхъ улыбокъ, въ смыслѣ которыхъ ошибиться было нельзя и которая, больше нежели что нибудь, заставила молодую женщину рѣшиться. Быть предметомъ насмѣшекъ показалось ей ужаснымъ...

— Я ѣду! сказала она рѣшительно.

Чтобъ сказать это слово, ей надо было пережить страш-